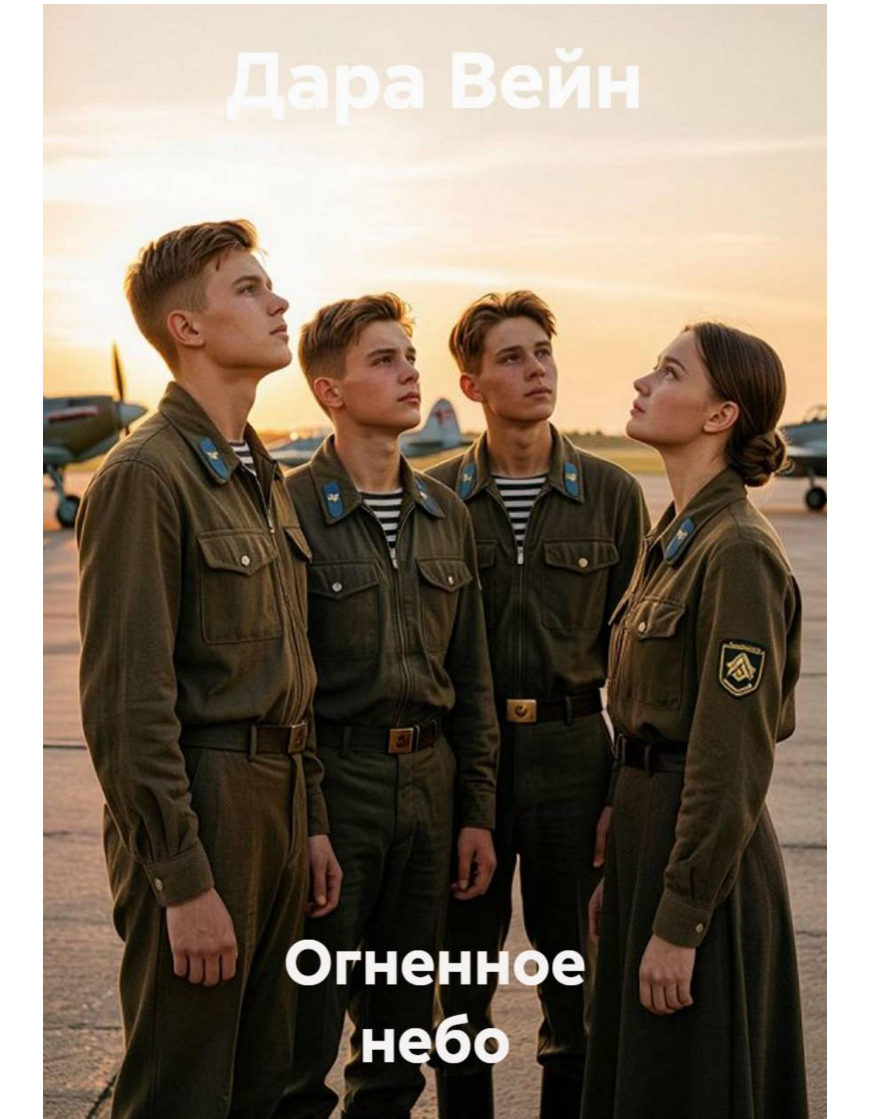

Дара Вейн

A promotional image for the film 'Dara Veyn: Ognennoe nebo'. It features four young actors in military uniforms standing on an airfield at sunset. Three young men are on the left, and one young woman is on the right. They are all looking upwards with expressions of awe and hope. The background shows a warm, golden sunset sky and the silhouettes of vintage aircraft on the tarmac. The title 'Дара Вейн' is at the top, and 'Огненное небо' is at the bottom.

Огненное
небо

Дара Вейн

Огненное небо

<https://litres.ru/74488158>

SelfPub; 2026

Аннотация

Июнь 1941 года. Летное училище в Подмоскowie, где четверка молодых курсантов - Женя, Саша, Михаил и Василий - мечтает о небе. Они еще не знают, что через три недели небо станет адом. Великая Отечественная война раздвинет горизонты и сожмет их до одного виража - между жизнью и смертью, между долгом и любовью. Катя - летчица, сестра, женщина, которая выбирает не отсиживаться в тылу. Сталин - голос в рупоре, рука на карте, человек, который может отправить в штрафбат и может вернуть с того света. Воздушные бои над Москвой, Сталинградом и Курском. Учения, где учатся не летать - выживать. Любовь, которая не знает приказов. И небо, которое никого не отпускает без счета.

Дара Вейн

Огненное небо

ОГНЕННОЕ НЕБО

Роман о летчиках, войне и любви

1941-1945

Дара Вейн

Аннотация

Июнь 1941 года. Летное училище в Подмоскowie, где четверка молодых курсантов - Женя, Саша, Михаил и Василий - мечтает о небе. Они еще не знают, что через три недели небо станет адом. Великая Отечественная война раздвинет горизонты и сожмет их до одного виража - между жизнью и смертью, между долгом и любовью. Катя - летчица, сестра, женщина, которая выбирает не отсиживаться в тылу. Сталин - голос в рупоре, рука на карте, человек, который может отправить в штрафбат и может вернуть с того света. Воздушные бои над Москвой, Сталинградом и Курском. Учения, где учатся не летать - выживать. Любовь, которая не знает приказов. И небо, которое никого не отпускает без счета.

Содержание

Пролог. Июнь. Небо без войны

Часть первая. Падение

Глава 1. Училище

Глава 2. 22 июня

Глава 3. Первый вылет

Глава 4. Катя

Глава 5. Небо над Москвой

Часть вторая. Огонь

Глава 6. Сталинград

Глава 7. Ночной бомбардировщик

Глава 8. Письма

Глава 9. Сашка

Глава 10. Аэродром под огнем

Часть третья. Перелом

Глава 11. Курская дуга

Глава 12. Поединок

Глава 13. Тыл

Глава 14. Возвращение

Глава 15. Женя

Часть четвертая. Небо

Глава 16. Берлин

Глава 17. Последний бой

Глава 18. Май

Эпилог. Май. Небо без войны

Послесловие автора

Пролог. Июнь. Небо без войны

Небо над Подмосковьем в июне 1941 года было синим, как

эмаль на жестяной кружке. Теплое, густое, пахнущее скошенным сеном и авиационным маслом. По нему расчерчивали белые полосы учебные По-2, и с земли казалось, что кто-то медленно пишет на нем - букву за буквой, слово за словом - забыв, что слова когда-нибудь кончатся.

Женя Кравцов лежал на траве у края взлетной полосы и смотрел вверх, закрыв глаза ладонью от солнца. Ему было двадцать. Он был худой, длинный, с быстрыми руками и медленным, упрямым взглядом - из тех, кто сначала делает, а потом решает, правильно ли. Рядом, на спине, раскинув руки, лежал Саша - Александр Воронов, круглолицый, рыжеволосый, вечно голодный, вечно смеющийся. Он считал облака и вслух давал им имена.

Вон то - "барон Мюнхгаузен", - говорил Саша, указывая пальцем. - А то, что левее, - "тетя Глаша". Потому что похоже на тетю Глашу из столовой. Та тоже круглая и тоже нависает.

Женя не отвечал. Он думал о завтрашнем самостоятельном вылете. Третьем в жизни. Первые два он не помнил - слишком быстро все произошло: ветер, ручка от себя, земля уходит вниз, и вдруг - тишина. Не тишина даже, а пустота, в которой ты один. И небо.

Михаил сидел на крыле подбитого УТ-2 и точил нож. Михаил Орлов был старше всех - двадцать три года, крепкий, тихий, с тяжелой нижней челюстью и привычкой молчать, когда другие кричали. Он прошел Финскую - три вылета, один из которых закончился на брюхе в лесу, в двадцати вер-

стах от своих. После Финской у него дергался левый глаз, но только когда он нервничал. А нервничал он редко.

Василий Семенов стоял у штаба, в новеньком комсомольском костюме, и разговаривал с политруком. Василий был красавцем - высокий, русский, с ровными зубами и голосом, от которого девушки в поселке останавливались и поворачивались, как подсолнухи. Он хотел в истребители. Мечтал о Як-1, которые видел на картинке в журнале "Огонек". Он уже знал, что будет лучшим. Он просто еще не знал, что "лучший" на войне - это тот, кто возвращается.

Катя - Екатерина Волкова - шла по грунтовой дороге к училищу, неся в руках шлемофон и планшет. Ей было двадцать два. Она была невысокая, темноволосая, с обветренным лицом и руками, пахнущими бензином. Она работала механиком, но каждую ночь, когда все засыпали, она садилась в кабину По-2 и представляла, что ручка - ее. Что она тянет ее на себя. Что земля уходит. Что она - в небе.

Четверо курсантов, одна механик, один политрук, один старый инструктор и шесть учебных самолетов. Июнь 1941 года. Последний месяц, когда небо было просто небом.

* * *

Через двадцать один день все изменится. Но пока Женя лежит на траве, Саша считает облака, Михаил точит нож, Василий разговаривает с политруком, а Катя несет шлемофон и мечтает о ручке управления. Небо - синее. Трава - зеленая. Война - где-то далеко, за горизонтом, в газетах, в которых

пишут про Берлин и Лондон, но не про Москву. Не про них. Пока - не про них.

Часть первая. Падение

Глава 1. Училище

Летное училище в Подмоскowie называлось просто - "точка". Никакого номера, никакого названия. Два барака, ангар, взлетная полоса, столовая, штаб. Вокруг - лес, поле, речка, деревня Крюково, где у тети Глаши можно было получить добавку - миску перловой каши с куском масла, если сказать, что "домашней не хватает".

Инструктор - Иван Федорович Громов, сорокалетний, седой, с хромотой на левую ногу. Катастрофа в 1936-м: поликарповский И-16, отказ двигателя, посадка на ферму - три разбитых коровы и одно разбитое колено. Он говорил мало, но каждое слово было весомым, как гайка. "В небе нет фразы 'я не успел'. Есть фраза 'я не подумал'. Первое - неумение. Второе - смерть. Выбирайте."

Женя был лучшим на виражах. У него было чувство самолета - не нажим, не сила, а именно чувство: он чувствовал, когда По-2 хочет сесть, когда хочет набрать, когда устает. Саша смеялся: "Ты с ним разговариваешь?" - "Нет, - отвечал Женя. - Я слушаю."

Саша был лучшим на посадке. Точнее - он был единственным, кто садился без подпрыгивания. Громов однажды сказал: "Воронов, у тебя руки, как у кошки лапы. Мягкие. Это

нельзя выучить. Это можно только родиться с ним." Саша сиял неделю.

Михаил был лучшим в воздухе. Его "лучше" не было красивым - он летал жестко, грубо, экономя топливо и движение. После Финской он не боялся ничего - но и не радовался ничему. Громов однажды заметил: "Орлов, ты летаешь, как будто тебе за это платят. А тебе - не платят." Михаил ответил: "Значит, недоплачивают."

Василий был лучшим на земле - в строю, в докладах, в политической подготовке. В воздухе он был вторым. Всегда вторым. И это его бесило больше, чем все остальное. Он был из тех, для кого "второй" - это "первый среди проигравших". Он отрабатывал виражи дополнительно, по вечерам, когда другие спали. Громов видел, но молчал. Однажды только сказал: "Семенов, самолет - это не экзамен. Это - вопрос. Чем быстрее ты ответишь, тем дольше проживешь. Но правильный ответ - не всегда быстрый."

Катя знала каждый самолет училища по звуку двигателя. По-2 гудел ровно, как трамвай. УТ-2 - повыше, потоньше. Когда Катя заводила мотор, она чувствовала, как он дышит - через ручку, через педали, через вибрацию, которая поднималась от земли и уходила в тело. Она говорила: "Мотор - как человек. Когда болеет - не тужится. Когда здоров - поет."

Однажды Женя застал ее в кабине По-2 ночью. Она сидела в темноте, держа ручку, и тихо улыбалась. Он спросил: "Что ты делаешь?" Она ответила: "Лечу. Во сне еще не добралась,

а так - лечу." Он засмеялся. Она не обиделась. Но запомнила его смех - и это было первое, что она запомнила из всего, что случилось потом.

Глава 2. Двадцать второе июня

Воскресенье. Утро. Женя проснулся от крика. Не от сирены - от крика дневального: "Подъем! Всем! Срочно!" Он вскочил, как вскакивал на учениях - за четыре секунды - и увидел в окно, как по плацу бежит Громов. Бежит - а не хромает. Нога не хромает. И от этого страшнее.

В столовой было тихо. Радио - запускали, глушили, снова запускали. Потом - голос. Не сталинский. Молотов. "Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, германские войска напали на нашу страну..."

Саша уронил ложку. Она звякнула о стол, и все обернулись. Саша сказал: "Вот это - барон Мюнхгаузен." Никто не засмеялся. Но Михаил - впервые за все время - посмотрел на всех и сказал: "Ложку подними. Поешь. Теперь надо есть. Потом - не будет времени."

Василий стоял у окна. Лицо - белое. Руки - сжаты в кулаки. Он сказал, не оборачиваясь: "Мы к этому готовы. Нас к этому готовили." Громов, проходя мимо, положил руку ему на плечо и сказал тихо: "Нет, Семенов. Никто не готов. И тебя - не готовили. Тебя - учили. А война - она учит иначе."

В тот же день пришел приказ: училище - в боевую готовность. Курсантов третьего курса - ускоренный выпуск. Через

неделю - на фронт. Женя, Саша, Михаил и Василий - в одну группу. Истребительный полк, формирующийся под Ржевом. Самолеты - И-16. Старые, потертые, с запасом ресурса - часов на сорок полета. "Хватит на десять боевых вылетов, - сказал Громов. - Если не сойдут. А сойдут - раньше."

Катя подошла к Жене вечером. Он стоял у ангара, смотрел на полосу. Она сказала: "Я тоже хочу." Он спросил: "Куда - хочешь?" Она ответила: "Туда. В небо. Летать. Не чинить - летать." Женя помолчал и сказал: "Ты - механик. Ты нужна здесь." Она ответила: "А ты - курсант. И ты нужен там. Разница?" Он не нашел, что ответить. Она ушла. Он смотрел ей вслед и впервые подумал, что "нужно" - это не всегда "должно".

Через неделю они уехали. Катя стояла у ворот. Не махала. Не плакала. Стояла. Женя обернулся из кузова грузовика - и увидел ее. Она подняла руку. Не помахала - подняла и опустила. Как будто нажала на что-то. Как будто включила.

Глава 3. Первый вылет

Полк под Ржевом был не полк - обломок. Шестнадцать И-16, из которых девять - боеготовых, остальные - в ремонте. Командир - майор Котов, летавший еще в Испании, человек с тремя орденами и одним правилом: "Не геройствуй. Герой - это мертвый, который красиво умер. Мне нужны живые. Даже некрасивые."

Первый боевой вылет - 14 июля 1941 года. Женя вел пару с Михаилом. Задание - прикрыть железнодорожную стан-

ции. Высота - 3000 метров. Облака - нижняя кромка 1500. Женя помнил все: запах бензина, тряску, землю внизу - зеленую, изрезанную реками, и тонкую нитку железной дороги, блестящую на солнце.

Они появились из облаков. Четыре Ме-109. Мессершмиты. Женя увидел их - темные, узкие, с желтыми носами - и в первую секунду не испугался. Не успел. Только подумал: "Вот они. Те, с картинок. Только картинки не шевелились."

Михаил ушел влево, Женя - вправо. И-16 был медленнее, тяжелее на вираже, но - маневреннее на малой высоте. Женя это знал. Знал - и все равно не был готов к тому, как быстро все произошло. Очередь. Треск. Что-то ударило в фюзеляж - мелкое, колющее. Потом - второй заход. Михаил - заходил с хвоста. Стрелял. Один Ме-109 дернулся, пошел вниз, в облака. Женя не видел, упал ли. Потом - тишина. Станция внизу - цела. Они вернулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.